

Джон Грин, Дэвид Левитан

Уилл Грейсон, Уилл Грейсон

JOHN GREEN, DAVID LEVITHAN

WILL GRAYSON, WILL GRAYSON

Печатается с разрешения издательства Dutton, member of Penguin Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Ю. Федорова, перевод на русский язык, 2016

Text copyright © 2010 by John Green, David Levithan

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая

Когда я был маленьким, папа мне твердил: «Уилл, друзей можно выбирать и в носу можно ковырять – но нельзя ковырять в носу у друга». В восемь лет я считал это замечание довольно проницательным, но потом оказалось, что оно неверно сразу в нескольких отношениях. Начать с того, что про возможность выбора друзей папа загнул, – сам бы я Тайни Купера не выбрал^[1].

Тайни Купер хоть и не самый гейский гей и не самый великанский великан на свете, но, мне кажется, он самый великанский гей и в то же время самый гейский великан. Мы с Купером лучшие друзья с пятого класса, только вот всё последнее полугодие мы не общались: он плотно занялся всесторонним исследованием своей гомосексуальности и был занят по горло, а я впервые в жизни вступил в Компанию друзей, реальных таких друзей, которые в итоге приняли решение «никогда с ним больше не разговаривать» за два моих небольших прегрешения:

1. Когда кто-то из членов школьного совета распереживался по поводу того, что в раздевалке присутствуют геи, я отправил в школьную газету письмо, в котором попытался отстоять право Тайни Купера быть одновременно великаном (и, следовательно, лучшим нападающим нашей отстойной футбольной команды) и геем. И подписал его по глупости.

2. Один пацан из этой самой Компании друзей, Клинт, принялся обсуждать мое письмо в столовке во время обеда и по ходу назвал меня жопохрюком, а я не знал, что это слово значит, поэтому спросил: «В смысле?» – а он снова сказал, что я жопохрюк, и тогда я послал его на три буквы, взял свой поднос и ушел.

Формально, наверное, я **сам** покинул Компанию, но, по ощущениям, меня выперли. Честно говоря, мне кажется, я никому из «друзей» даже и не нравился, но они у меня хотя бы **были**, а это тоже не пустяк. А теперь их не стало, и я лишился всяких социальных связей с ровесниками.

Ну, если, конечно, не считать Крошки Купера. А считать, полагаю, надо.

Ну так вот, через несколько недель после рождественских каникул в предпоследнем классе сижу я на своем обычном месте в кабинете математики, и тут, пританцовывая, входит Тайни, командная футболка заправлена в штаны-чиносы, хотя спортивный сезон давно уже закончился. Каждый раз ему каким-то чудом удается втиснуться за стоящую рядом парту, а я каждый раз поражаюсь, как у него это получается.

В общем, Тайни впрессовывается на свое место, я привычно удивляюсь, и тут он поворачивается ко мне и громко (потому что в душе ему хочется, чтобы и остальные услышали) шепчет:

– Я **влюбился**.

Я закатываю глаза, он ведь каждый битый час влюбляется в какого-нибудь нового несчастного. И все его избранники одинаковы на вид: тощие, лоснящиеся от пота, загорелые; последнее особенно мерзко, потому что в Чикаго в феврале настоящего загара не добиться, а парни, которые мажутся автозагаром – плевать мне, геи они или нет, – просто клоуны.

– Ты такой скептик, – заключает Тайни, махнув на меня рукой.

– Не скептик, – поправляю я, – а реалист.

– Да ты вообще робот.

Тайни считает, что я не способен испытывать эмоции, как все нормальные люди, потому что я не плакал с седьмого дня рождения после просмотра мультика «Все псы попадают в рай». Думаю, уже по названию следовало догадаться, что веселой концовки там не жди, но в свое оправдание могу сказать, что мне семь лет было.

Но с тех пор я не плакал. Просто не понимаю, какой в этом **смысл**. К тому же мне кажется, что почти всегда – ну, за исключением тех случаев, когда у тебя родственник умер или типа того, – этого можно избежать. Достаточно следовать двум очень простым правилам: 1. Ни из-за кого особо не парься. 2. Помалкивай. Все мои беды возникали тогда, когда я одно из них нарушал.

– Это настоящая любовь, я прямо **чувствую**, – продолжает Тайни.

Судя по всему, мы не заметили, как начался урок, так как мистер Эплбаум, который якобы преподает математику, а на самом деле учит меня лишь тому, что страдания и боль надо переносить стойчески, вдруг спрашивает:

– Что ты там чувствуешь, Тайни?

– Любовь! – повторяет он. – Я чувствую любовь.

Все поворачиваются к нему, одни смеются, другие гудят неодобрительно, и поскольку я сижу рядом, а Купер – мой лучший и единственный друг, смех и презрение и мне достаются. Вот почему я не выбрал бы Тайни Купера себе в друзья. Он слишком много внимания к своей персоне привлекает. К тому же патологически не способен следовать ни одному из двух моих Правил. В общем, Тайни ходит, пританцовывая, ему до всех есть дело, и он рта просто не закрывает, а потом удивляется, когда жизнь поворачивается к нему жопой. Само собой, чисто из-за того, что мы с ним все время рядом, она и мне показывает зад.

После урока я стою и пялюсь в свой шкафчик, задаваясь вопросом, как умудрился оставить дома красную букву «А»[\[2\]](#), и тут ко мне снова подходит Тайни, с друзьями из Альянса геев и гетеро, Гэри (гей) и Джейн (про нее не знаю – не спрашивал), и сообщает:

– Похоже, все решили, что на математике я признался в любви тебе. Я влюблен в Уилла Грейсона! Ну и дурацкая хрень, а?

– Отлично, – отвечаю я.

– Люди просто тупы, – продолжает Тайни. – Как будто влюбиться – плохо.

На этих словах Гэри стонет. Если бы друзей можно было выбирать, я бы рассмотрел его кандидатуру. Тайни сошелся с Гэри, его парнем Ником и Джейн, когда вступил в Альянс, а я тем временем еще числился членом Компании друзей. Я Гэри едва знаю, я снова начал тусоваться с Тайни всего две недели назад, но пока похоже на то, что Гэри – самый нормальный из его круга общения.

– Есть разница, – замечает Гэри, – между тем, чтобы влюбиться, и тем,

чтобы объявить об этом на математике. – Тайни намеревается что-то сказать, но Гэри его опережает: – Нет, не пойми меня неправильно. Ты имеешь полное право любить Зака.

– Билли, – поправляет Тайни.

– Подожди, а куда девался Зак? – Я был совершенно уверен, что на математике Купер о нем говорил. Хотя с того момента прошло сорок семь минут, так что он уже мог передумать. У Тайни было примерно 3900 дружков – с половиной из них он общался только в Интернете.

Гэри, который, похоже, не меньше меня удивлен появлением некого Билли, начинает тихонько ударять головой в стальную дверцу шкафчика.

Я поднимаю глаза на Тайни:

– А нельзя как-то унять слухи о нашей якобы любви? Это урезает мои шансы на отношения с прекрасным полом.

– Формулировка «с прекрасным полом» тоже не говорит в твою пользу, – подает голос Джейн.

Тайни ржет.

– Нет, а если серьезно, – продолжаю я, – у меня же вечные проблемы из-за этого.

Тайни в кои-то веки смотрит на меня серьезно и слегка кивает.

– Хотя, кстати сказать, – замечает Гэри, – Уилл Грейсон – далеко не самый страшный вариант.

– Да, бывало и похуже, – соглашаюсь я.

Тайни, хохоча, в балетном пируэте выпрыгивает на середину коридора и орет:

– Дорогие жители мира, я воспылил страстью вовсе не к Уиллу Грейсону. При этом, дорогие мои, вам следует знать и кое-что еще. – И тут он начинает петь, словно записной исполнитель с Бродвея, диапазон баритона

Тайни такой же широкий, как и его талия. – Нет мне жизни без него!

Раздаются смех, радостные вопли и аплодисменты, и под серенаду Тайни я ухожу на английский. Топать и без того далеко, а когда останавливают по пути и интересуются, как мне анал с Тайни Купером и как удастся найти «крошечный член-карандашик» под Куперовым брюхом, выходит еще дольше. Реагирую я на это как обычно – смотрю в пол и поспешно шагаю вперед. Я понимаю, что народ шутит. Понимаю, что взаимоотношения не обходятся без издевок. У Тайни-то всегда имеется какой-нибудь блестящий ответ наготове типа: «Для человека, который теоретически не хочет интима со мной, ты как-то многовато рассуждаешь о моем пенисе». Может, ему эта стратегия подходит, а мне нет. Мне подходит заткнуться. И следовать своим Правилам. В общем, я молчу в тряпочку, забиваю на всех и иду куда шел, и вскоре все это заканчивается.

Последнее, что я сказал значимого, содержалось в том драном письме в газету по поводу драного Тайни Купера и его драного права быть драной звездой нашей драной футбольной команды. Я совершенно не жалею о самом письме, лишь о том, что подписал его своим именем. Это оказалось явным нарушением правила «Помалкивай», и вот до чего оно довело: во вторник после обеда я сижу один и внимательно изучаю свои черные «конверсы».

Тем же вечером, вскоре после того как я заказал пиццу себе и родителям, которые – как обычно – допоздна задержались на работе в больнице, мне звонит Тайни Купер и быстро-быстро шепчет:

– Предположительно, сегодня в Убежище снова выступят «Ньютрал Милк Хоутел», рекламы вообще никакой нет, никто не в курсе, это офигеть, Грейсон, просто офигеть!

– Офигеть! – вторю ему я в полный голос. Одно можно сказать в пользу Тайни: если где-то намечается что-то крутое, он всегда узнает об этом первым.

К слову, я вообще не часто прихожу в восторг, но группа «Ньютрал Милк Хоутел» в некотором смысле всю мою жизнь перевернула. Они в 1998 году

выпустили совершенно потрясающий альбом «В самолете над морем», но с тех пор от них совсем ничего не было слышно, предположительно потому, что их вокалист живет теперь в пещере в Новой Зеландии. Но он, в любом случае, гений.

– Когда?

– Не в курсе. Только что услышал. Я еще Джейн позвоню. Она почти такая же фанатка, как и ты. Так, слушай. Слушай. Выдвигаемся в Убежище сейчас же.

– Уже выдвигаюсь – в буквальном смысле, – отвечаю я, открывая дверь гаража.

Из машины я звоню маме. И говорю, что «Ньютрал Милк Хоутел» выступают в Убежище.

– Кто? Что? Ты убежал? – Вместо ответа напеваю несколько строчек из их композиции, и до мамы доходит. – А, да, знакомая песня. Она есть в сборнике, который ты мне записывал.

– Ага, – подтверждаю я.

– Но к одиннадцати надо быть дома.

– Мам, это же событие исторического масштаба. А история не знает комендантского часа.

– К одиннадцати чтобы был дома.

– Ну ладно. Блин... – бурчу я, после чего ей приходится идти и вырезать у кого-то там раковую опухоль.

Тайни Купер живет в особняке, и у него самые богатые на свете родители. Мне кажется, никто из них не работает, но они так безобразно богаты, что он даже не в особняке живет, а во **флигеле** – один. И у него там, блин, аж три спальни и холодильник, который всегда забит пивом, и родки его

никогда не донимают, поэтому там можно зависнуть на весь день, играть в футбол на компе, потягивая «Миллер лайт», только вот Тайни видеоигры терпеть не может, а я не люблю пиво, так что мы, как правило, играем в дартс (у него мишень есть), слушаем музыку, болтаем и делаем уроки. Я только успел произнести букву «Т» из его имени, а он уже вылетает из комнаты в одном мокасине – второй держит в руке – с криком:

– Едем, Грейсон, давай-давай!

По пути туда все идет превосходно. На Шеридан почти нет заторов, я маневрирую, словно участник гонки «Инди-500», играет моя любимая песня НМХ – «Голландия, 1945», потом я выезжаю на Лейк-шор-драйв, волны озера Мичиган бьются о булыжники дорожной насыпи, окна приоткрыты, чтобы тачка оттаяла, и внутрь врывается бодрящий грязный холодный ветер – я просто обожаю запах города; Чикаго – это тошнотворная вода озера, сажа, пот и машинное масло, и мне все это до жути нравится, как и звучащая песня, и Тайни в свою очередь говорит: «Я ее **обожаю**», опускает зеркало и взъерошивает себе волосы, желая сделать прическу еще круче. Тут мне приходит в голову, что не только я увижу «Ньютрал Милк Хоутел», но и **они меня**, так что тоже бросаю единственный взгляд на собственное отражение в зеркале заднего вида. Роба у меня какая-то чересчур квадратная, глаза слишком большие, как будто я постоянно чем-то удивлен, – но все нормально в том плане, что поправлять нечего.

Убежище – это захудалый бар, деревянная постройка, втиснутая между фабрикой и каким-то зданием министерства транспорта. Никаким стилем он похвастаться не может, тем не менее, даже несмотря на то, что сейчас всего семь, у входа собралась очередь. Мы с Тайни пристраиваемся в конец и ждем, когда нарисуются Гэри и, возможно, лесбиянка Джейн.

У нее под расстегнутой курткой оказывается футболка с треугольным вырезом и сделанной от руки надписью «Ньютрал Милк Хоутел». Джейн вошла в жизнь Тайни примерно тогда же, когда я из нее выпал, так что мы с ней друг друга едва знаем. Тем не менее я бы сказал, что на данный момент она в моем списке лучших друзей занимает четвертое место, и, по всей

видимости, у нее хороший вкус в музыке.

Мы все стоим на улице возле Убежища, холод такой, что уже все лицо застыло, Джейн здоровается, даже не глядя на меня, я ей коротко отвечаю.

– Группа просто гениальная, – говорит она.

– Ага, – киваю я.

Пожалуй, это наш с Джейн самый длинный диалог за все время нашего знакомства. Я легонько тюкаю носком грязный, усыпанный гравием тротуар, вокруг моей ноги поднимается миниатюрное облачко пыли, после чего я сообщаю Джейн, что мне жутко нравится «Голландия, 1945».

– А я люблю их вещи посложнее. Полифонические, нойзовые.

Я лишь снова киваю в надежде, что это выглядит так, будто прекрасно знаю, что значит «полифонический».

Есть у Тайни одна особенность: совершенно невозможно прошептать что-либо ему на ухо, даже если ты довольно высокий, как, например, я, потому что этот гад просто квадратный, два с половиной на два с половиной метра, поэтому для начала надо постучать по его громадному плечу, потом типа кивнуть, намекнув ему, что тебе кое-что шепнуть надо, после чего он к тебе наклонится, а ты скажешь:

– Слушай, а Джейн в вашем Альянсе геев и гетеро кого представляет, геев или гетеро?

А Тайни склоняется ко мне и отвечает:

– Не знаю. Мне кажется, у нее в прошлом году был парень.

Я напоминаю, что у него самого в прошлом году было около 11542 девушек, в ответ на что Тайни хлопает меня по руке, он-то думает, что в игривом жесте, а на самом деле это наносит непоправимый ущерб моим нервным окончаниям.

Гэри растирает Джейн руки, чтобы она не замерзла, и тут вдруг, **наконец-то**, очередь начинает продвигаться. Секунд через пять мы замечаем несчастного на вид парнишку, худенького-загорелого-блондинистого, во вкусе Тайни Купера, который, конечно, интересуется:

– Что случилось?

– Младше двадцати одного не пускают.

– Слышь, ты, – заикаясь, говорю я Тайни, – **жопохрюк** ты этакий. – Я до сих пор не понял, что именно это слово означает, но, по-моему, в данной ситуации более подходящее и не придумать.

Тайни поджмает губищи и хмурит бровищи. Потом поворачивается к Джейн.

– У тебя ай-ди-карта поддельная есть?

Она кивает.

– И у меня, – вставляет Гэри.

А я сжимаю кулаки, челюсти свело, хочется орать, но вместо этого говорю спокойно:

– Ну ладно, я тогда домой. – Ведь у **меня** поддельной ай-ди-карты нет.

Но тут Тайни очень быстро и очень тихо говорит:

– Гэри, когда я буду свою карту показывать, врежь мне что есть силы по морде, а ты, Грейсон, в этот момент входи сразу за мной, как будто ты с нами.

После этого все какое-то время молчат, и тут неожиданно Гэри чересчур громко заявляет:

– Гм, я, вообще-то, не умею **бить**.

А мы уже все ближе к вышибале с татуировкой на лысой голове, поэтому Тайни произносит едва слышно:

– Умеешь. Просто двинь посильнее.

Я, чуть отстав, наблюдаю за ними. Джейн подает ай-ди-карту вышибале. Он светит фонариком, смотрит на нее, возвращает. Потом наступает очередь Тайни. Я делаю несколько быстрых коротких вдохов – прочитал однажды, что если как следует насытить кровь кислородом, выглядишь спокойнее, – и вижу, как Гэри встает на цыпочки, заносит руку и фигачит Тайни в правый глаз. Башка Тайни дергается, а Гэри принимается верещать:

– О, господи, **ой-ой**, моя рука!

Охранник подскакивает к Гэри, сгребает его в охапку, а Тайни Купер поворачивается, прикрывая меня телом от глаз вышибалы, и пока он продолжает крутиться вокруг своей оси, я прохожу в бар, как будто бы Купер – вращающаяся дверь.

Попав внутрь, я оборачиваюсь и вижу, что охранник держит Гэри за плечи, а тот, скривившись, смотрит на свою руку. Тут Тайни кладет на вышибалу ладонь со словами:

– Чувак, да мы просто дурака валяем. Но врезал неплохо, Двайт. – До меня даже не сразу доходит, что Гэри и есть Двайт. Или Двайт и есть Гэри.

– Он же тебе в глаз звезданул, – напоминает вышибала.

– Я заслужил. – Тайни объясняет, что они с Гэри/Двайтом оба игроки футбольной команды Университета Де Поля, и чуть раньше в тренажерке он неправильно нагрузку поставил или типа того. Вышибала отвечает, что он в старшей школе тоже в нападении играл, и у них внезапно завязывается свойский треп, в то же время он смотрит на нереальную поддельную карту Гэри, и вот мы все в Убежище, наедине с «Ньютрал Милк Хоутел» и сотней незнакомцев.

Людское море у барной стойки расступается, Тайни берет пару пива и предлагает одно мне. Я отказываюсь.

– А почему именно Двайт? – интересуюсь я.

– В ай-ди-карте у него записано, что он Двайт Дейвид Айзенхауэр

Четвертый.

– И где вы все эти кретинские карты понабрали?

– Есть специальные места, – отвечает Тайни, и я вознамериваюсь тоже туда наведаться.

– Давай, вообще-то, пиво, – говорю я, в первую очередь ради того, чтобы чем-то занять руки. Тайни отдает мне уже начатое, и я ухожу поближе к сцене без Тайни, без Гэри и без, возможно, лесбиянки Джейн. Остаемся только я и сцена, она в этой дыре всего-то на полметра над полом приподнята, так что если вдруг вокалист «Ньютрал Милк Хоутел» окажется совсем невысоким, в районе полутора метров, я вскоре посмотрю ему прямо в глаза. Другие тоже подбираются к сцене, и вскоре перед ней уже яблоку негде упасть. Я в Убежище уже бывал на всяких тусовках без возрастных ограничений, но именно так все впервые – у меня в руке потеет бутылка с пивом, из которой я не отпил еще ни глотка и не собираюсь, а вокруг незнакомые чуваки с многочисленными татуировками и пирсингом. На данный момент каждый из собравшихся здесь куда круче, чем любой из Компании друзей. Тут никому не кажется, что со мной что-то не так – меня даже не **замечают**. Все принимают меня за своего, я, по моим ощущениям, достиг вершины своих школьных амбиций. Вот он я, стою на ночной тусе для совершеннолетних в лучшем баре второго города Америки, и вскоре окажусь одним из двух сотен зрителей реюнион-шоу величайшей малоизвестной группы последнего десятилетия.

На сцену выходят четыре чувака, не особенно-то похожие внешне на участников «Ньютрал Милк Хоутел», и я говорю сам себе, что ладно, я же только фотки в Интернете видел. Но тут они начинают играть. Не знаю толком, как их музыку описать, скажу только, что такой звук могут издавать сотни тысяч куниц, брошенных в кипящий океан. Затем один чувак начинает петь:

Раньше она меня любила, о,А теперь ненавидит.Раньше мы с ней трахались, брателло,А теперь она ходитНа свидания с другими.С другими...

Если исключить префронтальную лоботомию, вокалист «Ньютрал Милк Хоутел» никак не мог такого даже **помыслить**, а уж **написать** и тем более **спеть** подобное – и подавно. И тут до меня доходит: я ждал на заледеневшей серой провонявшей выхлопными газами мерзлоте, стал, вероятно, причиной перелома кисти у Гэри просто ради того, чтобы послушать группу, которая однозначно **не** «Ньютрал Милк Хоутел». И хотя даже не вижу его в этой толпе притихших и офигевших поклонников НМХ, я тут же ору:

– Будь ты проклят, Тайни Купер!

Песня заканчивается, и мои подозрения подтверждаются, когда вокалист обращается к абсолютно притихшему народу:

– Спасибо! Огромное спасибо. НМХ не смогли приехать, так что мы, «Эшленд Эвеню», сыграем вам крутой рок!

Нет, думаю я, **вы, «Эшленд Эвеню», сыграете нам полное говно**. Кто-то хлопает меня по плечу, я оборачиваюсь и офигеваю, видя непередаваемо сексапильную девчонку старше двадцати с пирсингом в губе, огненно-красными волосами и в сапогах до икр. Она говорит с вопросительной интонацией:

– А мы думали, «Ньютрал Милк Хоутел» будет выступать?

– Я... – У меня на секунду перехватывает дыхание, но я договариваю: – ... тоже. Я тоже на них пришел.

Девчонка склоняется к моему уху, желая перекрыть мозголомные атональные и ритмичные звуки.

– «Эшленд Эвеню» – вообще не «Ньютрал Милк Хоутел».

То ли из-за того, что в зале битком, то ли из-за чужачества незнакомки, но у меня развязывается язык.

– «Эшленд Эвеню» врубают во время пыток террористов, – говорю я и только тут понимаю: девчонка в курсе, что она старше меня.

Она спрашивает, где я учусь.

– В Эванстоне.

– В **старшей** школе?

– Да, только бармену не рассказывай.

– Я себя сейчас прямо настоящей извращенкой почувствовала, – говорит она.

– Почему?

Она лишь смеется в ответ. Я понимаю, что не особенно-то ей и понравился, но все равно чувствую легкий кайф.

Тут на мое плечо ложится громадная ручища, скосив глаза, я вижу кольцо на мизинце, которое он носит с восьмого класса по случаю окончания средней школы, и сразу же понимаю, что это Тайни. Подумать только, а некоторые идиоты считают, что геям присуще чувство стиля.

Повернувшись, я вижу, что по щекам Тайни Купера катятся огромные слезы. В одной его слезе может утонуть котенок. **ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?** – спрашиваю одними губами – говнорок «Эшленд Эвеню» такой громкий, что он меня все равно не услышит, – и Тайни Купер просто отдает мне свой телефон и уходит. Я вижу на дисплее один из статусов его ленты на Фейсбуке:

Зак: я все думаю и все больше убеждаюсь чт не надо портить нашу суперскую дружбу. но тайни при этом все равно кнчн клеви чувак

Протолкнувшись мимо пары человек, я подбираюсь к Тайни, тяну вниз его плечо и ору:

– ХРЕНОВО!

– СО МНОЙ ПОРВАЛИ ЧЕРЕЗ СТАТУС В ФЕЙСБУКЕ, – кричит он в ответ.

– ДА, Я ЗАМЕТИЛ. БЛИН, ЛУЧШЕ БЫ ОН ЭСЭМЭС ПОСЛАЛ. ИЛИ СООБЩЕНИЕ ПО ЭЛЕКТРОНКЕ. ИЛИ ГОЛУБЯ ОТПРАВИЛ.

– И ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ? – вопит Тайни мне в ухо. «Может, тебе удастся найти кого-то, кто в курсе, как пишется «“клевый”», – хочется сказать мне, но я лишь пожимаю плечами и жизнеутверждающе хлопаю друга по спине, после чего веду его к бару и подальше от «Эшленд Эвеню».

Как выяснилось, это было не совсем верное решение. Чуть раньше, чем мы доходим до бара, я вижу облокотившуюся на высокий столик Джейн, возможно, лесбиянку. Она мне сообщает, что Гэри психанул и ушел.

– Видимо, «Эшленд Эвеню» специально придумали такой ход, чтобы привлечь к себе внимание, – прибавляет она.

– Но никто из любителей НМХ **ни в жизнь** не станет слушать такую дрянь, – отвечаю я.

Тут Джейн смотрит на меня в упор и, округлив глаза и надув губки, сообщает:

– Мой брат их гитарист.

– Ой, извини, чувак, – бормочу я, почувствовав себя полным мудаком.

– Да я пошутила, расслабься. Будь это так, я бы от него отреклась.

В течение этого четырехсекундного разговора я каким-то образом потерял Тайни, что вообще задача не из легких, так что я рассказываю Джейн, как его кинули о великую стену Фейсбука, и она даже просмеяться не успела, когда Купер появляется у столика и ставит на него круглый поднос с шестью шотами с чем-то зеленоватым.

– Я же не любитель выпивки, – напоминаю я другу, он кивает, пододвигает стопку к Джейн, но та качает головой.

Тайни глотает первый шот, кривится и выдыхает.

– На вкус как огненный шланг сатаны, – заключает он и толкает стопку в мою сторону.

– Звучит заманчиво, но я пас.

– Как он вообще может, – орет Тайни и опрокидывает стопку, – меня бросать, – выпивает еще одну, – объявив об этом в СТАТУСЕ, после того как я признался, что ЛЮБЛЮ его, – и еще одну. – Куда этот сраный мир катится? – Еще стопка. – А я ведь правда, Грейсон. Я знаю, ты считаешь, что я постоянно треплюсь, но я это понял, что люблю его, в тот самый момент, когда мы поцеловались. Черт побери. Что мне **делать**? – И он заглушает всхлип последним шотом.

Джейн тянет меня за рукав, потом наклоняется поближе. Ее дыхание согревает мне шею.

– Когда его торкнет, нас ждут охрененные проблемы, – говорит она. Я понимаю, что Джейн права, а «Эшленд Эвеню» все равно говно полное, поэтому нам лучше прямо сейчас валить из Убежища.

Я поворачиваюсь к Тайни, желая сообщить ему об этом, но он снова исчез. Перевожу глаза на Джейн, которая с неподдельным беспокойством смотрит в сторону бара. Довольно скоро Тайни возвращается. На этот раз всего с двумя шотами, слава богу.

– Выпей со мной, – настаивает он, я качаю головой, но тут Джейн тычет мне локтем в бок, и я понимаю, что ради друга должен принять на себя этот удар. Я сую руку в карман и отдаю Джейн ключи от своей машины. Единственный надежный способ не дать Тайни допить плутониево-зеленое пойло – проглотить его самому. Я беру стопку. – Ну и в жопу его, Грейсон. Всех в жопу, – говорит Тайни.

– За это я выпью. – И пью, и когда жидкая мерзость касается моего языка, оказывается, что это как взорвавшийся коктейль Молотова – включая стекло и все дела. Невольно я выплевываю коктейль на майку Тайни Купера.

– Монохромный Джексон Поллок, – говорит Джейн, после чего обращается к Тайни: – Идем отсюда на фиг. Эта группа – как пломбирование корневого канала **без** анестезии.

Мы с ней уходим вместе, рассчитывая (верно), что Тайни с моим ядерным выбросом на футболке последует за нами. Поскольку я так и не проглотил ни капли из того алкоголя, что он купил, Джейн возвращает мне ключи броском, и они летят по высокой дуге. Поймав их и подождав, когда Джейн залезет на заднее сиденье, я сажусь за руль. Тайни неловко втискивается на пассажирское место. Я завожу мотор, и на этом моя встреча с жутчайшим аудиоразочарованием заканчивается. Но поразмыслить об этом во время поездки домой не удастся, так как Тайни не смолкая трещит о Заке. Тайни такой: его проблемы столь велики, что за ними твоих собственных не видно.

– Как можно **настолько** ошибаться? – задается вопросом Тайни, перекидывая визгливую песню НМХ, самую любимую у Джейн (а у меня она наименее любимая). Я неспешно еду по Лейк-шор в сторону от центра, Джейн сзади подпевает НМХ, немного не попадает, но у меня бы на людях получилось еще хуже, но я на людях и не пою согласно правилу «Помалкивай». – Если на собственное чутье полагаться нельзя, – со слезами продолжает Тайни, – то на что же можно?

– На то правило, – говорю ему, – что когда кто-то становится для тебя слишком важен, это всегда кончается плохо. – Так и есть. Если тебе не плевать, это доводит до боли, причем не иногда. А всегда.

– У меня разбито **сердце**, – объявляет Тайни с таким видом, словно с ним это впервые, да и как будто прежде такого вообще ни с кем не случалось. Хотя, может, в этом-то и беда, может, каждый новый облом Тайни воспринимает настолько по-новому, что в каком-то смысле он имеет право говорить, что такого **еще не было**. – А от твоего толку нуль. – Я замечаю, что у него уже язык заплетается. Если обойдется без пробок, доставлю его домой через десять минут, а там сразу в кровать.

Но я не могу гнать с такой скоростью, с какой накрывает Тайни. На съезде с Лейк-шор – остается шесть минут – у него уже не просто язык заплетается, он **при этом** еще и орет без умолку, разглагольствуя о Фейсбуке, о том, что вежливость в обществе выродилась и так далее. Джейн, у которой на ногтях пальцев черный лак, принимается массировать слоновьи плечи Тайни, но тот все равно продолжает плакать, я пропускаю все светофоры, перед нами медленно разворачивается Шеридан. Со слезами смешиваются сопли, и все это пропитывает футболку Тайни.

– Далеко еще? – интересуется Джейн.

– Он живет недалеко от Центральной.

– Боже. Тайни, успокойся. Тебе просто поспать надо, малыш. А завтра все станет немножко лучше.

Я, наконец, сворачиваю на его улицу и, объезжая рытвины, подкатываюсь к флигелю Тайни. Выскакиваю из машины, наклоняю вперед свое сиденье, чтобы Джейн вылезла. Потом мы оба идем к пассажирской дверце. Джейн открывает ее, склоняется к Тайни и благодаря какой-то чудесной ловкости рук расстегивает ремень безопасности.

– Вот так, Тайни, пора в кроватку, – говорит она.

– Я дурак, – отзывается тот и издает такой всхлип, который, наверное, сейсмологи в Канзасе зафиксируют. Но все же он вылезает из машины и, шатаясь, ковыляет к своей двери. Я иду за ним, просто чтобы убедиться, что он нормально в кровать уляжется, и, выясняется, правильно делаю, потому что Тайни оказывается не способен нормально лечь в кровать.

Пройдя шага три по гостиной, он замирает на месте. После чего разворачивается и пристально смотрит на меня, сощурившись, словно впервые видит и никак не может понять, что я делаю у него дома. А потом Тайни стягивает с себя футболку. И, глядя на меня все с тем же недоумением, неожиданно говорит совершенно трезвым голосом:

– Грейсон, надо что-то менять.

– Что? – выдыхаю я.

– А вдруг иначе мы окажемся, как все остальные, в Убежище?

Я снова намереваюсь **чтокнуть**, ведь в баре все были куда круче наших одноклассников, да и куда круче нас самих, но тут понимаю, о чем он. Вот что Тайни имеет в виду: «Вдруг мы окажемся взрослыми, ждущими возвращения группы, которая и не собирается больше выходить на сцену?» Тут я замечаю, что Тайни тупо смотрит на меня, раскачиваясь из стороны в сторону, как небоскреб на ветру. А потом падает мордой вниз.

– Ой, – слышу я за спиной голос Джейн и только тут понимаю, что она тоже с нами. Тайни, уткнувшись лицом в ковер, снова начинает плакать. Я долго не свожу глаз с Джейн, и на ее лице медленно появляется улыбка. И оно от этого целиком меняется – брови приподнимаются, показываются безупречные зубы, вокруг глаз образуются мелкие складочки – раньше я этого то ли не видел, то ли не замечал. Она становится красавицей так внезапно, что это подобно волшебству – хотя это не значит, что мне захотелось очень близко с ней познакомиться или типа того. То есть я не хочу и придурком показаться, но Джейн не в моем вкусе. Волосы у нее катастрофически кучерявые, и тусуется она в основном с пацанами. Я предпочитаю девчонок малость подевчоночнее. Да и, если уж совсем честно, мне даже те, кто в моем вкусе, не особенно нравятся, не говоря уж про остальных. Хотя я не асексуален – просто всякую романтику-драму не выношу.

– Давай в кровать его уложим, – наконец говорит она. – Нельзя же, чтобы родаки нашли его утром в таком виде.

Я опускаюсь на колени и прошу Тайни встать, но он лишь плачет и плачет, так что в итоге мы с Джейн садимся слева от тела и перекатываем его на спину. Переступив через Тайни, я наклоняюсь, понадежнее ухватываю его подмышку, Джейн делает то же самое с другой стороны.

– Раз, – начинает Джейн.

– Два, – продолжаю я.

– Три, – кричит она. Но ничего не происходит. Джейн маленькая – я прямо вижу, как у нее сужаются плечи, когда она напрягает мышцы. Я свою половину Тайни тоже приподнять не могу, так что мы решаем оставить его на полу. К тому времени, как Джейн накрыла его одеялом, а я подоткнул подушку ему под голову, он уже захрапел.

Мы едва не ушли, но тут Тайни принимается заливаться собственными соплями, издавая при этом ужасные звуки, напоминающие храп, только куда более зловещие и сопровождаемые бульканьем. Я склоняюсь к его лицу и вижу, как он втягивает носом и выпускает из себя мерзостные пузырящиеся сопли, скопившиеся в течение последнего этапа его плакательного марафона. И их так много, что я начинаю бояться, как бы он

не захлебнулся.

– Тайни, – говорю я, – тебе высморкаться надо, чувак. – Но он даже не шевелится. Я тогда сажусь и ору прямо в его барабанную перепонку: – Тайни! – Безрезультатно. Джейн хлещет его ладонью по лицу – и весьма неслабо. **Nada**[\[3\]](#). Лишь страшный, булькающий соплями храп.

И тут до меня доходит, что Тайни Купер даже нос себе прочистить не сможет самостоятельно, что противоречит второй половине отцовской теоремы. И вскоре после этого я уже опровергаю ее целиком, прямо на глазах у Джейн удаляя сопلي из носа своего друга. И вкратце: друзей не выбирают; они сами высморкаться не могут; а вот я могу – хотя даже нет, я **должен** – делать это за них.

глава вторая

меня постоянно разрывает между двумя вариантами: либо убить себя, либо всех вокруг.

но другого выбора я не вижу. все остальное – это попросту убивать время.

я иду через кухню к задней двери.

мама: позавтракай.

а я не завтракаю. никогда не завтракал. с тех самых пор как научился выходить через заднюю дверь без завтрака.

мама: ты куда?

в школу, мам. ты это тоже должна попробовать как-нибудь.

мама: убери волосы с лица, мне так глаз не видно.

понимаешь ли, мамочка, в этом **весь чертов смысл**.

мне ее жаль – правда. реально паршиво, что у меня вообще должна быть мать. иметь такого сына, как я, наверняка хреново. к подобному разочарованию подготовиться просто невозможно.

я: пока.

«до свидания» я не говорю. по-моему, это полный бред. может, после этого мы скорее созвонимся или спишемся, чем свидимся. но нет, когда уходишь, надо говорить именно «до свидания». я этой традиции следовать отказываюсь. я иду **против** нее.

мама: хорошего д...

дверь-то закрылась на полуслове, но я все равно догадываюсь, чем должна закончиться фраза. раньше мама говорила: «увидимся!», но меня это так

достало, что однажды утром я ей объявил: «нет, не увидимся».

мама очень старается, и попытки эти такие жалкие, сам их факт. мне даже хочется сказать ей: «мне искренне тебя жаль». но за этим последует целый разговор, который, возможно, перейдет в ссору, после чего я почувствую себя виноватым, и придется переезжать в портленд или еще куда.

кофейку бы.

каждое утро я молюсь, чтобы школьный автобус разбился и мы все погибли бы в пожаре после аварии. мама подаст в суд на компанию, выпускающую школьные автобусы, за то, что они не делают ремни безопасности на сиденьях, получит за мою трагическую смерть куда больше денег, чем я заработал бы за всю свою трагическую жизнь. разве только адвокаты компании, выпускающей школьные автобусы, убедят судью в том, что моя жизнь все равно оказалась бы говном. тогда они просто откупятся от мамы подержанным «фордом-фиестой» – типа они квиты.

маура не то чтобы прямо-таки ждет меня перед школой, но я знаю и она знает, что я буду искать ее взглядом. обычно мы полагаемся на это и ухмыляемся друг другу или еще что до тех пор, пока не приходится расходиться. это как в тюрьме: дружить начинают такие люди, которые в обычной жизни не стали бы даже разговаривать друг с другом. вот и у нас с маурой, думаю, так же.

я: угости кофейком.

маура: сам, блин, купи.

но потом она отдает мне свой **мочачино** объема xxl из «данкин донатс», и я осушаю стакан одним глотком. будь у меня деньги самому себе кофе покупать, я бы это делал, честно, но я вот как на это смотрю: ее мочевого пузырь мне благодарен, даже если все остальные органы считают, что я придурок. этот ритуал у нас с маурой длится, сколько я ее помню, а это

примерно год. познакомились мы, наверное, раньше, но, может, и нет. примерно год назад ее мрачность и моя обреченность нашли друг друга, и маура решила, что из них получилась красивая пара. я не особо в этом уверен, но зато пью кофе на халяву.

в нашу сторону направляются дерек с саймоном. круто: немного времени за обедом сэкономлю.

я: дай математику списать.

саймон: ага, держи.

вот это друг.

звучит первый звонок. как и все остальные звонки в нашем прекрасном учреждении низшего образования, это никакой не звонок, а протяжный гудок, такой же, после какого надо оставлять сообщение на автоответчике о том, что у тебя выдался отстойнейший день. но эти сообщения никто никогда не прослушивает.

я вообще не понимаю, как у кого-то возникает желание стать учителем. ведь придется проводить целый день с кучей детей, которые либо ненавидят тебя лютой ненавистью, либо подлизываются, желая получить оценку получше. через какое-то время это наверняка начинает угнетать – что никому в своем окружении ты никогда по-настоящему не понравишься. я бы даже пожалел учителей, не будь они все при этом такими садюгами или неудачниками. для садистов главное – контроль и власть. они идут в учителя, чтобы официально занять господствующее положение. но большинство среди них все же неудачники – от таких, кто на самом деле попросту ничего сам делать не умеет, до таких, кто хочет с учениками дружить, потому что у них самих в старших классах компании не было. а есть еще и такие, кто искренне верит, что мы вспомним хоть слово из того, что они говорили, после выпускных экзаменов. ага.

время от времени встречаются и экземпляры типа миссис гроувер – она садистка-неудачница. ясен пень, у преподавателя французского по определению жизнь легкой быть не может, ведь в наше время он никому на

фиг не нужен. она целует **derrieres**[\[4\]](#) отличникам, а что до обычных учеников – ее бесит, что на нас приходится тратить драгоценное время. и она каждый день дает нам тесты и гомосяцкие задания типа «пофантазируйте о том, как развлекаются в европейском диснейленде», а потом вся такая удивляется, когда я выдаю: «в моих фантазиях микки-маус развлекается с минни-маус, используя французский багет в качестве дилдо». а так как понятия не имею, как дилдо по-французски (**dildot?**), я попросту сказал «дилдо», а она делает вид, будто не понимает, о чем речь, и отвечает, что, если микки и минни просто едят багет, это не развлечение. но в итоге наверняка поставила мне за тот урок минус. конечно, понимаю, что надо бы к этому посерьезнее относиться, но я вообще клал с прибором на оценку по французскому.

единственное, что я сделал стоящего за весь урок – хотя, по правде сказать, и за все утро в целом – это написал **айзек, айзек, айзек** в блокноте, а потом пририсовал человека-паука в паутине, который это имя произносит. полная бредятина, конечно, но и пусть. я ведь все равно это делаю не для того, чтобы на кого-то впечатление произвести.

обедаю я за одним столом с дереком и саймоном. у нас так заведено, что мы сидим, как в зале ожидания. время от времени кто-то что-то говорит, но в основном никто за границы, соответствующие ширине своего стула, носа не высовывает. иногда мы читаем журналы. если кто приближается, поднимаем глаза. но такое случается не часто. мы игнорируем почти всех, кто проходит мимо, даже тех, на кого полагается смотреть с вожделением. я бы не сказал, что дереку с саймоном девчонки нравятся. их, по большей части, компьютеры интересуют.

дерек: как думаешь, софт на x18 до лета успеют выкатить?

саймон: я в блоге трастмастера видел, что, типа, наверное, было б круто.

я: держи домашку.

когда смотрю на парней и девчонок за другими столами, я недоумеваю, о чем они могут друг с другом разговаривать. они все до жути скучные и, чтобы это скрыть, стараются трепаться погромче. я уж лучше тут посижу,

просто поем.

у меня есть один ритуал, в два часа я позволяю себе обрадоваться насчет того, что скоро валить. типа если я до этого времени дотяну, остальную часть дня можно отдыхать.

сегодня это происходит на математике, рядом сидит маура. она догадалась, что я это делаю в октябре, так что теперь ежедневно в два передает мне записку. пишет что-то вроде «поздравляю», или «ну что, можно идти?», или «если этот урок в ближайшее время не закончится, я проломлю себе череп». я так понимаю, что мне следовало бы ей отвечать, но обычно я просто киваю. мне кажется, маура хотела бы сходить со мной на свидание или типа того, и совершенно не представляю, что с этим делать.

у всех есть какие-то занятия после уроков.

мое – идти домой.

иногда я останавливаюсь и катаюсь немного в парке на доске, но только не в феврале, не в этой безмозгло-мерзло-мерзоте (которую местные считают пригородом чикаго и называют нейпервиллем). нет, там у меня сейчас мигом яйца отмерзнут. не сказать, что они мне сейчас какую-то пользу приносят, но все равно пусть лучше будут, на всякий случай.

все равно у меня есть дела поинтереснее, чем выслушивать от прогульщиков из колледжа, когда мне можно будет воспользоваться рампой (а это приблизительно... никогда) и ловить на себе полные презрения взгляды скейтпанков из моей школы, для которых я недостаточно крут, чтобы пить-курить с ними, да и недостаточно крут для их субкультуры «четкой грани» вообще. я, по их мнению, не «четкий». я после окончания девятого класса перестал даже пытаться найти себе место в этой компании неуверенных в себе, которые даже самим себе не признаются в том, что они не уверены в себе. в любом случае, скейт далеко не самое важное в моей жизни.

мне нравится, что дома никого, когда прихожу. когда мамы нет, мне не так стыдно из-за того, что я ее игнорирую.

первым делом я иду к компу и смотрю, в сети ли айзек. его нет, поэтому я делаю себе бутер с сыром (не разогреваю – лень) и дрочу. на все про все уходит минут десять, хотя я не засекаю.

когда возвращаюсь, айзека еще нет. он у меня один в «списке друзей» – тупейшее название для списка. мы что, трехлетки?

я: эй, айзек, хочешь быть моим дружкой?

айзек: конечно, дружок! идем в песочницу?

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)